

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Г. А. Пожидаева
г. Москва, Россия

ПЕРИОД ВТОРОГО «ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ» В ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ РУСИ

Аннотация: Цель статьи — изучение связей Руси и Византии, включая Болгарию и Сербию, в области церковного пения в период второго «южнославянского влияния» (конец XIV–XV вв.). В статье показано, как русско-балканские связи в период позднего Средневековья проявили себя прежде всего в организации богослужения по новому, Иерусалимскому уставу, во многом обновившему корпус гимнографии. Гимнография южных славян, трудившихся на Руси, — митрополита Киприана, Григория Цамблака и Пахомия Серба — привнесла на Русь отголоски Тырновской реформы патриарха Евфимия, отразившиеся в стиле «плетения словес». Наряду с творчеством русских авторов, сочинения южнославянских гимнографов составили поэтическую основу новых песнопений, напевы которых были сочинены русскими распевщиками. В освоении музыкальной письменности развитие Руси опережало южнославянские страны. В то время как в певческой практике Болгарии и особенно Сербии господствовала устная традиция, на Руси существовал большой корпус нотированной певческой книжности. Поэтому говорить о южнославянских и балканских «влияниях» в певческом искусстве можно только в отношении церковного устава и литургической поэзии, но не певческой традиции и музыкальной письменности. Позднее, в богослужебной практике XVI в. возросло почитание южнославянских святых. Это было обусловлено тенденцией объединения славянства в новом центре православия «Москве — Третьем Риме» в поствизантийский период.

Ключевые слова: церковно-певческое искусство Московской Руси, второе «южнославянское влияние», русско-балканские связи, Москва — Третий Рим.

Информация об авторе: Галина Андреевна Пожидаева — доктор искусствоведения, профессор, Высшее театральное училище (институт) им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России, ул. Неглинная, д. 6/2, стр. 1, 2, 109012 г. Москва, Россия. E-mail: pozhidaeva.galina@yandex.ru

Дата поступления статьи: 28.04.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Культурные связи Византии и Руси в конце XIV–XV вв. достаточно заметно проявили себя в процессе, который принято называть *вторым южнославянским влиянием*. Как и в ранний период, заметную роль в русско-балканском культурном взаимодействии сыграли южные славяне — болгары и сербы. Отсюда и возникло название этого «блока» культурных связей Руси и Византии «вторым южнославянским влиянием». Не-

точность термина была отмечена учеными (И. И. Калигановым [5], Л. П. Жуковской [3] и др.), но он вошел в научный оборот, и его трудно заменить, хотя правильнее и точнее было бы говорить в этом случае о межкультурных связях Византии и Руси в этот период.

Контакты Руси с Византией через Константинополь и Афон, ослабленные в период татаро-монгольского ига, возобновляются и активизируются в XIV в. Следствием становится введение Иерусалимского устава в конце XIV – XV вв.

Принятие нового устава повлекло за собой существенные изменения в певческой гимнографии, поскольку согласно новому уставу был расширен круг богослужений. Привычное для нас сегодня всенощное бдение в канун воскресного дня и накануне великих праздников появилось на Руси именно с введением Иерусалимского устава. Со сменой типикона на службе было введено огромное количество новых песнопений — около 60 000, — которые требовалось распеть русским распевщикам. Это было реализовано уже в новой редакции знаменного распева к концу XV в.

В этот период возникают также заметные изменения в орфографии славянского языка и оформлении богослужебной книжности: несколько сокращается состав алфавита, изменяются начертания отдельных букв и почерк рукописей: старший полуустав меняется на младший. Тогда же появляется новое художественное оформление рукописей: звериный (тератологический) орнамент уступает место геометрическому (нововизантийскому — ил. 1). Все эти изменения коснулись и певческих рукописей.

Классик русской филологии А. И. Соболевский считал изменения в орфографии славянского языка в конце XIV – первой половине XV вв. следствием реформ по нормам болгарской тырновской школы патриарха Евфимия [25]. Д. С. Лихачев, поддерживая эту точку зрения, считал, что «второе южнославянское влияние» действительно проявлялось в конце XIV – начале XV вв., причем не только в языке, письменности и литературе, но и в культуре в целом [13].

Реформа Евфимия Тырновского идеологически была тесно связана с исихазмом («исихия» — *греч.* — молчание, безмолвие) как течением религиозно-мистической философии, получившим широкое распространение в Византии в XIV в. Между ведущими исихастами Григорием Синаитом (1256–1346) и Григорием Паламой (1296–1359) и их сторонниками шли споры на богословские темы.

Исихазм как ведущее направление философии Византии проявился в разных видах искусств православных стран: Болгарии и Сербии, Древней Руси, в частности, в иконописи и фресковой живописи Феофана Грека и Андрея Рублева. Но особенно важное значение он обрел для духовной литературы и книжности XIV в. Учение исихастов было направлено на «совершенствование человеческой личности, поднятие нравственной и духовной жизни на качественно новую ступень посредством достижения концентрированного состояния духа. <...> Приверженность исихастов к безмолвию не сопровождалась отказом от слова. Слово для исихастов — “святая святых”, но произнести его или тем более запечатлеть письменно следовало только после духовного очищения и обретения внутреннего совершенства. Назвать вещь словом для исихастов означало придать ей сущность...» [6, с. 116].

Из стремления исихастов постигнуть глубинный смысл каждого слова возникает стиль «плетения словес». Он проявляется в жанрах духовной литературы и поэзии: агиографии и гимнографии. «“Плетение словес” основано на внимательнейшем отношении к слову: к его звуковой стороне (аллитерации, ассонансы), к этимологии слова (сочетания однокоренных слов, этимологически одинаковые окончания и т. п.),

к тонкостям его семантики (словосочетания синонимические, тавтологические и пр.), на любви к словесным новообразованиям, составным словам и калькам с греческого и пр. <...> Поиски слова, нагромождения эпитетов, синонимов и т. д. обуславливались представлениями о тождестве слова и сущности, божественного писания и божественной благодати, что лежали и в основе реформы» [13, с. 23–24].

Отголоски реформы патриарха Евфимия Тырновского, по мнению Д. С. Лихачева, проявились на Руси в деятельности митрополита Киприана, болгарина по происхождению. Отсюда преобразования, проводившиеся в русской культуре, соотносили именно с южнославянским влиянием, а именно с влиянием тырновской школы.

В тот период церковные деятели Болгарии и Сербии, как представители Византии, были «делегированы» на Русь в том числе для пополнения житийной литературы, служб и литературных переводов. Крупнейшими гимнографами этого периода стали писатели и общественные, церковные деятели — южные славяне, жившие на Руси, — митрополит Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Серб (Логофет). Они создали около 20 новых служб русским святым, которые вошли в служебную Минею. Службы были распеты русскими распевщиками, и эти произведения стали частью церковного обихода и в целом культуры Руси.

Киприан, митрополит Киевский и всея Руси (ок. 1330 – 1406) происходил из тырновской семьи Цамблаков, входил в ближайшее окружение патриарха Евфимия Тырновского, позднее в Константинополе он был близок патриарху Филофею Коккину, известному поборнику исихазма.

В истории русской культуры Киприан сыграл большую роль, приложив много усилий для возвышения Москвы. Перу Киприана принадлежат очень важные и значимые для Московской Руси житие и служба первому русскому митрополиту — Петру, митрополиту московскому, который считается небесным покровителем Москвы. Уже в XVI в. Иван Грозный дополнил эти службы своими стихирами.

Нотированные списки служб Сретенью иконы Владимирской Богоматери, распеты русскими мастерами в традициях знаменного распева, появляются в списках середины XVI в., митрополиту Петру — с 80-х гг. XVI в. [21, с. 227, 196].

Другим деятелем болгарской культуры, оставившим свой след в культуре Руси, был **Григорий Цамблак** (ок. 1365 — ок. 1420). Он был писателем, представителем Тырновской школы, культурным и общественным, церковным деятелем Болгарии, Сербии, Молдавии и Руси.

Родившийся в знатной семье в столице Болгарии Тырнове, он принадлежал к высшей придворной аристократии как племянник Киприана, митрополита всея Руси. Григорий получил прекрасное образование, входил в круг патриарха Евфимия Тырновского. Какое-то время Григорий Цамблак жил в Константинополе и на Афоне. В начале XV в. (1402) он стал игуменом Дечанского монастыря в Сербии, в Косово. Служил также в Сучаве «пресвитером великой церкви Молдавской».

Как гимнограф, он написал две службы, которые были связаны с его пребыванием в Молдавии (в Сучаве) и Сербии (в Дечанах). Первая служба посвящена Иоанну Новому Белгородскому, первому молдавскому святому, христианскому мученику, убиенному татарами-язычниками. Мощи его «были перенесены из Белгорода Днестровского в Сучаву и стали главной святыней Молдавского княжества» [28, с. 503]. В русских нотированных источниках песнопения службы появляются в Стихираре «Дьячье око» в конце XVI в.¹

¹ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 586/843. Л. 593; БРАН, собр. Строганова, 44. Л. 639 об.

Другая служба написана Григорием Цамблаком в честь Стефана Дечанского, сербского короля. Возможно, что Григорию Цамблаку принадлежит также редакция службы Параскеве (Петке) Тырновской, очень почитаемой болгарской святой. Сочинения Григория Цамблака были внесены в XVI в. в Великие Четьи Минеи митрополита Макария.

О значении деятельности Григория Цамблака для церковного пения Руси говорит тот факт, что на основе Слова на Успение Пресвятой Богородицы Григория Цамблака русскими книжниками была составлена стихира на Успение Божией Матери «Днесь Владычица и Богородица». Она относится к стихирам на целование и представляет собой осмогласник, редкий по своему пространному изложению и протяженности. Вместо обычных для стихир нескольких строк эта стихира занимает несколько листов певческой рукописи. Стихира сохранилась в русских списках не ранее начала XVII в. (1610) и старообрядческих XVIII–XIX вв., где изложена знаменным распевом новой редакции. Это уникальное по своим масштабам произведение гимнографии отражает, как отмечалось, стиль «плетения словес», связанный с Тырновской школой. Можно предположить, что грандиозные масштабы стихир стали одной из причин ее относительно небольшого распространения. Однако создание столь крупного произведения в стиле знаменного распева показывает масштабы дарования русских гимнографов и распевщиков, создавших такое монументальное полотно.

Поэтический текст стихир опубликован еще В. М. Ундольским [30, с. 4], затем И. Гарднером [1, с. 343–345], несколько ее крюковых списков изданы и расшифрованы Б. П. Карастояновым [9], Н. С. Серegiной [22; 23]. Изучению музыкально-поэтических особенностей стихир посвящена статья З. М. Гусейновой [2] и Е. А. Титовой [26].

Пахомий Серб (Логофет) († после 1484 г.) был известным литератором XV в., составителем и редактором житий, похвальных слов, служб и канонов, а также переводчиком и писцом. Он написал много житий и служб русским святым, а также сделал новые редакции прежних. Перу Пахомия Серба принадлежат 14 служб русским святым: Варлааму Хутынскому, Знамению Богородицы в Новгороде, Сергию Радонежскому, Никону Радонежскому, Алексию, митрополиту московскому, Евфимию Новгородскому, Антонию Печерскому, Кириллу Белозерскому, Савве Вишерскому, митрополиту московскому Ионе, Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору, Стефану Пермскому, на перенесение мощей митрополита Петра, Димитрию Прилуцкому. Кроме того, Пахомием написан 21 канон — на те же службы и на службы Покрова Богородицы, Кириллу Белозерскому (2 канона), Петру и Февронии Муромским и др.

Как мы видим уже по списку сочинений, Пахомий Серб состоялся как очень плодовитый писатель и гимнограф. Его службы и каноны вошли в служебную Минею. В его произведениях нашел свое отражение стиль «плетения словес», сложившийся в Тырновской школе. В новейших исследованиях его литературного творчества доказывается вторичность некоторых его сочинений и использование сочинений русских литераторов [10]. Службы Пахомия Серба также были распеты и нотированы русскими распевщиками и сохранились во множестве списков.

В XVI в. взаимосвязь южнославянской и русской культур становится настолько значимой, что на Руси растет почитание южнославянских святых, связанное с идеей «Москва — III Рим». Москва начинает ощущать себя вселенским центром православия, а потому стремится собирать, объединять все православные народы. Подтверждение этому находим в певческой рукописной традиции.

Так, полный Стихирарь «Дьячье око», писанный в Москве [19, с. 42–46; 15]² в 80-е гг. XVI в. – начале XVII в., БРАН, собр. Строганова, 44, содержит шесть памятней южнославянских святых. Это болгарские святые преподобный Иоанн Рыльский (перенесение мощей в 1238 г.), преподобная Параскева Тырновская (XI в.) и Георгий Новый, «мучившейся в Средеце граде Болгарьстемь» (1515)³. Из сербских святых Стихирарь содержит памяти святителей из правящей династии Неманичей Саввы и Арсения Сербских, сербских архиепископов († 1237 и 1266 гг.), в него вошла также память первого молдавского святого Иоанна Нового, Сочавского, «мучившегося в Беле граде» († 1330)⁴.

В стихираре «Дьячье око» Кирилло-Белозерского собрания к ним добавлено еще четыре службы: Симеону Мироточивому, королю Сербскому и отцу Саввы Сербского († 1200), Стефану Милутину, сербскому королю († 1321), князю Лазарю Сербскому, погибшему на Косовом поле († 1389) и епископу, святителю Илариону Мыгленскому († 1206)⁵.

Более поздний источник — Минея середины XVII в., ярославского происхождения, одна из самых полных по составу, РГБ, собр. Разумовского, ф. 379, № 64, — также содержит песнопения Савве Сербскому. Древнерусскую традицию сохранили и старообрядческие Стихирари: одна из стихир «Славы убо всех царя Христа» опубликована в расшифровке Т. Ф. Владышневской по списку XIX в. [34, с. 40–56]⁶.

В пантеоне болгарских святых выделяется фигура **Георгия Нового**. Он был православным мучеником, погибшим за веру христову, за отказ принять ислам. Юноша-болгарин (18 лет) был сожжен турками на площади в Средецком граде (средневековое название Софии), близ храма святой Софии, 11 февраля 1515 г., при огромном стечении народа.

Житие и службу ему написал болгарский книжник и священник Пейо, который «не просто знал Георгия, а был для него вторым отцом и <...> духовным наставником» [4, с. 20–21]⁷.

Георгий Новый был канонизирован на Руси уже в 40-е гг. XVI в. Его историю рассказали русским монахам на Афоне, и непосредственно с Афона она стала известна на Руси, получив воплощение в литературных произведениях и гимнографии. Авторами этих произведений были литераторы псковско-новгородской епархии. Будущий митрополит Макарий до 1542 г. служил новгородским архиепископом, именно он стоял у истоков этих произведений, одно из которых было написано уже в 1539 г. по его благословению и повелению.

Житие и службу Георгию Новому создал известный агиограф псковско-новгородской епархии Василий-Варлаам. Краткая его редакция была включена в Великие Четьи Минеи. Пафос жития — борьба православного и исламского мира, которая остается актуальной и сегодня. За основу жития был взят текст жития Иоанна Нового Белгородского, молдавского святого, житие которого написал Григорий Цамблак. Иоанн Новый был трапезундским купцом, казненным татарами в 1330 г. в приднестровском Белгороде, поэтому сходство судеб Иоанна Нового и Георгия Нового было очевидным.

² Н. П. Парфентьев относит происхождение рукописи не к московскому, а к строгановскому скрипторию: [17].

³ БРАН, собр. Строганова, 44. Л. 135, 147 об., 639 об.

⁴ Там же. Л. 147 об., 383 об., 976, 387, 674.

⁵ РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 586/843. Л. 493 об., 310, 614, 294 об.

⁶ Ватикан, MS Slav. 56. F. 217–219

⁷ Комплексное исследование жития, служб, гимнографии и иконографии содержит монография И. И. Калиганова [4].

Песнопения Георгию Новому были распеты и нотированы в Москве, в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в. в связи с канонизацией святого на соборах 1547 и 1549 гг. Относительно распевщиков, сочинивших напевы песнопений Георгию Новому, можно высказать предположение, что ими были, скорее всего, государевы певчие дьяки Ивана Грозного.

Отметим, что русская гимнография служб южнославянским святым была более полной в сравнении с южнославянской. Напевы песнопений были изложены в русской традиции знаменного пения и были нотированы, в отличие от болгарских и сербских списков.

Конкретным проявлением общности восточного и южного славянства, как части Византии, можно считать общность отдельных поздних жанров гимнографии. К такому относятся величания, или, как их называли на Руси, «припелы» праздникам господским и богородичным, а также святым, «имущим полиелей». Жанр величаний был византийским по происхождению, болгарские исследователи С. Кожухаров, Е. Тончева пишут об этом жанре в творчестве Иоанна Кукузеля (первая половина XIV в.), что подтверждает византийские истоки жанра, поскольку И. Кукузель творил прежде всего по византийским канонам и в Константинополе, и на Афоне [14; 33; 35; 36; 37]. И сегодня этот жанр звучит едва ли не в самый торжественный момент богослужения, когда священство с витыми свечами (согласно Уставу) выходит на середину храма и поет величание празднику, а затем священству вторит хор. Короткие величания многократно повторяются, создавая общий праздничный настрой.

В русском богослужении этот жанр известен с последней четверти XV в. В отечественной рукописной традиции величания поначалу не были нотированы⁸, затем нотированы выборочно⁹. Величаний русским святым в них нет; впервые появляется одно единственное величание князю Владимиру в списке первой четверти XVI в. — ГИМ, Епархиальное собр., 193, л. 322; распев величаний — знаменный.

Н. Ф. Финдейзен указывает, что автором величаний к службам русским святым был Маркелл Безбородый [31, с. 139]. Величания упоминаются им в контексте знаменных песнопений, поэтому логично предположить, что они, как бы по умолчанию, тоже были знаменные. Их создание, вероятно, датируется 1550-ми гг. В письменной традиции они появятся позднее — в 70-е гг., на исходе XVI в., в начале XVII в.¹⁰, что показывает их постепенное введение в певческую практику.

Из всего большого годового цикла величаний (около 60 песнопений) к середине XVI в. русским святым было посвящено всего несколько. Сохранившись в письменной традиции только с конца XVI в., величания до середины XVII в. составляли небольшой цикл из 10–11 русских памятней. Основу их составляли ранние праздники эпохи Киевской, Владимиро-Суздальской и ранней Московской Руси. Эти памяти и праздники вошли во вторую редакцию Стихираря, временные границы которого установлены Н. С. Сергиной со второй половины XV до середины XVI вв. [21, с. 14]. От эпохи Киевской Руси в этой редакции Стихираря есть памяти Бориса и Глеба, князя Владимира, Покрова Богородицы, Знамения иконы Богородицы в Новгороде; от времен Батыева нашествия XIII–XIV вв. — памяти Михаила Черниговского и боярина его Феодора, Петра митрополита московского, Алексия митрополита московского, Сергия Радонеж-

⁸ ГИМ, Епархиальное собр., 173. Л. 114 об. – 116 об.; 184; 189; 186. Посл. четв. XV в.

⁹ ГИМ, Епархиальное собр., 176. Л. 82 об. – 87 об.; 190; 192. Посл. четв. XV – сер. XVI в.

¹⁰ РГБ, Иосифо-Волоцкое собр., Ф. 113, № 238; собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1, № 414, 428; БРАН, собр. Строганова, 44.

ского. Таким образом, рукописная традиция величаний в основе своей ведет ко второй редакции Стихираря — до середины XVI в.

На этом основании можно высказать два предположения: 1) величания были созданы до Соборов 1547 и 1549 гг. и 2) вероятно, 40-е гг. XVI в. могли стать временем создания знаменных величаний Маркеллом Безбородым.

Жанр величаний известен также в путевом распеве и демественном. Путевые *величания* в троицкой редакции вошли в певческую практику с конца XVI в. — есть список с указанием «троецкой» — ГИМ, собр. Барсова, 1352, л. 211 об. — 212¹¹. Создание их, следовательно, нужно отнести к более раннему периоду. Сопоставим некоторые факты.

Поскольку величания были созданы до Соборов 1540-х гг., к созданию путевых величаний должен быть причастен крупный распевщик Троице-Сергиева монастыря. В 40-50-е гг. таким мастером был Иона Зуй. По всей видимости, можно предположить его авторство или ведущую роль в создании этих песнопений. Величания были изложены на подобен, а самоподобном служил путь троицкий, вероятно сочиненный Ионой Зуем.

Второе «южнославянское влияние», так заметно проявившееся в области литературы и гимнографии, нашло отклик в **новейших филологических исследованиях**. Вслед за исследованиями Д. С. Лихачева в этой области появились исследования крупного ученого, филолога, археографа и текстолога второй половины XX в., Л. П. Жуковской, а также ее ученика А. М. Камчатнова. Они позволяют по-новому взглянуть на известную проблему.

Л. П. Жуковская на большом массиве рукописного материала второй половины XIV – первой половины XVI вв. изучала развитие русского письма. Заново была выполнена датировка многих источников и установлено их более позднее происхождение. В результате оказалось, что «новые графические и орфографические приемы письма появились не в конце XIV в., как думал А. И. Соболевский, а на столетие позже — в конце XV в. Поэтому с деятельностью митрополита Киприана и тырновской школы это явление вряд ли было связано» [3, с. 49–50].

Л. П. Жуковская считала, что это явление возникло в контексте важнейших идеологических причин, в частности, формирования концепции «Москва — новый град Константина», которая впоследствии переросла в идею «Москва — Третий Рим». Происходящие языковые перемены, как полагала исследовательница, были порождены новыми историческими и духовными реалиями эпохи. Именно это вызвало к жизни *архаизацию и грецизацию русского письма, его орфографии и графики*.

А. М. Камчатнов подчеркивает также усиление контактов Руси с *Афоном* и *Константинополем* уже со второй половины XIV в., считая именно их причиной языковых новшеств в книжности Древней Руси [8, с. 112–113]. Возможно, что реформа Евфимия Тырновского оказала не прямое, а косвенное влияние через *Афон*, но временные границы его оказались смещенными почти на столетие — к концу XV в.

Проявились ли эти процессы *архаизации и грецизации* в певческом искусстве Руси конца XIV–XV вв.?

Древнерусские певческие рукописи XIV в. сохранились в незначительном количестве и при этом мало изучены. Однако в них все же выявлен единичный случай использования аненаек и хабув в списке рубежа XIV–XV вв. Они появляются в одном

¹¹ Другие списки: РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1, № 436. Л. 118; Вологодское собр. Ф. 354, № 144. Л. 148 об. – 229; собр. Разумовского. Ф. 379, № 19. Л. 92 об. – 111; собр. Никифорова. Ф. 199, № 288. Л. 47–97.

из песнопений Ирмология, причем текст этого песнопения неканоничен. Песнопение опубликовано С. В. Фроловым [32].

Систематическое же употребление аненаек и хабув, а также грецизмов проявилось уже в поствизантийский период, с последней четверти XV в. Это многолетие Ивану III знаменного распева, раннее песнопение путевого распева «Приидите, ублажим Иосифа» и раннее песнопение демества — неканонический богородичен «Церковь и ручку» (ил. 2, 3, 4).

Подводя итог, можно констатировать, что использование фонетических вставок и грецизмов с последней четверти XV–XVI вв. показывает сознательную стилизацию под старину, целенаправленную архаизацию и грецизацию песнопений. То есть на певческом материале находит подтверждение концепция Л. П. Жуковской и А. М. Камчатнова. Говорить же о каких-либо существенных изменениях в певческой культуре Руси в период конца XIV в. как о результате южнославянского влияния трудно, поскольку существенные изменения становятся очевидными в источниках более позднего времени — с последней четверти XV в. появляется новая редакция знаменного распева, но эти изменения не связаны с реформами патриарха Евфимия и его тырновской школы.

Можно ли найти какие-то параллели с общими явлениями культуры?

Формально можно увидеть аналогию в развитии литературного стиля «плетения словес» и развитием музыкального языка новых пространственных распевов Московской Руси — пути, демества, большого распева и даже новой редакции знаменного распева.

Вместе с тем существуют общие тенденции в историческом развитии музыкального мышления. Одноголосная культура эпохи Средневековья в своем развитии неминуемо обретала единственный вектор — мелодизацию напевов. Этот вектор не зависел от межкультурных связей славянства, но отражал общие закономерности поступательного движения культурного процесса.

Литературный стиль «плетения словес» также соответствовал определенному историческому процессу в развитии литературного мышления, а именно: более точному словесному выражению сложных богословских и догматических понятий, отображаемых в гимнографии. Синонимические словесные ряды, синонимическую лексику можно сопоставить с вариантностью единиц музыкального языка — музыкальной лексикой. Тенденция к вариантности музыкальной лексики особенно заметно проявила себя в большом распеве последней четверти XVI — первой половины XVII вв. Однако вряд ли можно связать эти тенденции с влиянием тырновской школы, тем более что они отстоят от нее по времени приблизительно на 200 лет.

На наш взгляд, здесь более очевидно влияние народной культуры и ее проникновение в профессиональную церковно-певческую. Это наблюдается в смежных видах искусств того же времени, например, в храмовом зодчестве Московской Руси XVI в.

Для народного музицирования вариантное развитие издавна было определяющим. В песенной культуре оно было связано прежде всего с вариантностью поэтического текста в куплетной форме. Поэтому некоторые отступления в церковно-певческом искусстве от центон-композиции, господствующей в знаменном распеве, применение элементов вариантности, связанной с народной культурой, мы расцениваем как новый этап в развитии церковного пения, этап, находящийся в русле развития искусства позднего Средневековья.

Витиеватый стиль «плетения словес» отображал определенную ступень в развитии гимнографии, и шире — в развитии литературного языка и литературы. Музыкаль-

ный язык церковных напевов тоже переживал новую стадию развития, отражавшую новое музыкальное мышление и позволявшую более пространное и мелодичное изложение. Вероятно, эти процессы протекали параллельно в древнеславянской литературе и древнерусском певческом искусстве. Они имели важное значение, как во многом определяющие тенденции исторического развития славянской культуры.

Языковая общность славян во многом обусловила близость их церковно-певческого искусства благодаря общей гимнографии. Русское же искусство уже на самом раннем этапе обладало достаточной самостоятельностью, не говоря уже о более позднем этапе — Московской Руси.

В музыкальной письменности развитие Руси опережало южнославянские страны. В то время как в певческой практике Болгарии и особенно Сербии господствовала устная традиция, на Руси существовал большой корпус нотированной певческой книжности, подтверждая музыкальную грамотность не только в единичных музыкальных центрах, но и ее распространенность по всей Руси, во многих ее городах и монастырях.

В Болгарии и Сербии пользовались византийской музыкальной письменностью, но сохранившиеся списки единичны. В Болгарии единичные, фрагментарно нотированные списки византийской нотации известны с XI в., а чаще они встречаются с XV в. [27], но все же такого массива целиком нотированных певческих рукописей как на Руси в средневековой Болгарии не было. Сохранившиеся сербские списки не являются по своему происхождению сербскими, а завезены в Сербию уже в поствизантийскую эпоху: рукописи поздневизантийской невменной нотации завезены греческими, рукописи квадратной нотации — русскими учителями [17, с. 109, 114, 108].

Поэтому говорить о южнославянских и балканских «влияниях» в певческом искусстве можно только в отношении литургической поэзии, но не певческой традиции и музыкальной письменности. Контакты Руси и Болгарии и Сербии существовали на почве византийской православной культуры. Большую роль играл при этом Афон как хранитель истинно православных традиций.

В русской культуре новые тенденции, связанные с периодом второго «южнославянского влияния», отражали, скорее, сознательное подражание отечественным древним образцам, сознательную архаизацию, о чем писали в своих исследованиях на материале языка Л. П. Жуковская и А. М. Камчатнов.

Таким образом, русско-балканские связи в период позднего Средневековья проявили себя прежде всего в организации богослужения по новому, Иерусалимскому уставу, что сильно обновило корпус гимнографии. Деятели культуры южных славян — митрополит Киприан, агиографы и гимнографы Григорий Цамблак и Пахомий Серб — сыграли свою значимую роль в истории отечественной литературы и книжности. Почитание южнославянских святых вошло в обиход Русской православной церкви. Включение в наш обиход позднего жанра величаний, византийского по своему происхождению, является свидетельством реальных связей певческой практики Византии и Руси. Сходные с Тырновской школой, практикой Константинополя и Афона тенденции во внешнем оформлении рукописей и языковых изменениях прослеживаются и на Руси, но по времени они проявляются на 100 лет позднее.

Дальнейшие тенденции церковно-певческой культуры — архаизация и грецизация языка и песнопений, — на наш взгляд, связаны не столько с влиянием южных славян и контактами с Константинополем и Афоном, но и со многими другими, не менее важными внутренними причинами государственной жизни Руси: централизацией

государства, обоснованием его преемственности по отношению к Киевской и Владимиро-Суздальской Руси, а также развитием идеи «Москва — III Рим». Поэтому тенденции в развитии церковно-певческой культуры, проистекающие из контактов Руси и Византии, включая южных славян, вливаются в общее русло истории государства Российского, истории Русской Православной Церкви и русской культуры, являясь составной частью истории и культуры нашего Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Гарднер И.* Богослужбное пение русской православной церкви. Сущность, система и история. М.: Изд-во ПСТБИ, 2004. Т. 1. 498 с.
- 2 *Гусейнова З. М.* Две редакции стихир Григория Цамблака на Успение Богородицы // Вестник ПСТГУ. Серия 5: Музыкальное искусство христианского мира. 2007. Вып. 1(1). С. 17–25.
- 3 *Жуковская Л. П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV – 1 пол. XVI в. // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М.: Наука, 1987. С. 45–62.
- 4 *Калиганов И. И.* Георгий Новый у восточных славян. М.: Индрик, 2000. 800 с.
- 5 *Калиганов И. И.* Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Русь // Веков связующая нить. М.: Изд-во ИСл РАН, 2006. С. 52–68.
- 6 *Калиганов И. И.* Культура средневековой Болгарии // История культур славянских народов / отв. ред. Г. П. Мельников. М.: ГАСК, 2003. Т. 1. С. 98–157.
- 7 *Калиганов И. И.* Южнославянские литературы // Проблемы истории и культуры славянских народов. М.: Изд-во ИСл РАН, 2015. С. 10–213.
- 8 *Камчатнов А. М.* История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века. М.: Academia, 2005. 688 с.
- 9 *Карастоянов Б. П.* Стихира знаменного распева «Денесе Владычице пресвятая дева царице переходите» («Днесь Владычица Богородица пресвятая дева царица переходить»). Краткая версия стихир («Днесь Владычица Богородица пресвятая дева царица к сыну своему»). Стихира знаменного распева «Днесь возрадуемся еже на небесехъ». «Осмогласием Успенскому Цамблаку подобен». Публикация, нотноточная транскрипция, комментарии, исследования. Вена, 2009. 358 с.
10. *Кириллин В. М.* Панегирическое наследие Пахомия Логофета. 2010 г. // Научный богословский портал Богослов.ru / дата обращения 17 декабря 2016 г.
- 11 *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 1. 575 с.
- 12 *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 3–56.
- 13 *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 255 с.
- 14 *Лукашевич А. А.* Величание // ПЭ. Т. 7. С. 529–531.
- 15 *Панченко Ф. В.* Стихирарь конца XVI в. из собрания С. Г. Строганова // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб.: Изд-во БАН, 2006. С. 206–305.
- 16 *Парфентьев Н. П.* Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства: Школы. Центры. Мастера. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 256 с.

- 17 *Парфентьев Н. П.* Творчество книгописцев и художников-знаменщиков братьев Басовых (1580–1630-е гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 3. С. 23–48.
- 18 *Пено В.* Ненотированные певческие книги — источники для изучения сербского церковного пения // Актуальные проблемы изучения церковно-певческого искусства: наука и практика (к 120-летию кончины Д. В. Разумовского): мат. междунар. науч. конф. 12–16 мая 2009 года. Сб. ст. / сост., отв. ред. И. Е. Лозовая. М.: Изд-во Научно-издательского центра «Московская консерватория», 2011. Гимнология, Вып. 6. С. 109–120.
- 19 *Рамазанова Н. В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI–XVII веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 468 с.
- 20 Рукописные собрания Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского. Архив Д. В. Разумовского / описание под ред. И. М. Кудрявцева. М.: ГБЛ, 1960. 261 с.
- 21 *Серегина Н. С.* Песнопения русским святым: по материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячный». СПб.: Изд-во РИИИ, 1994. 470 с.
- 22 *Серегина Н. С.* Стихира Григория Цамблака на Успение Богородицы и проблема исследования мелизматической монодии // Музыка России: От средних веков до современности / сост. М. Г. Арановский. М.: Композитор, 2004. Вып. 2. С. 7–29.
- 23 *Серегина Н. С.* Стихира Григория Цамблака на Успение Богородицы. Стихира Иоанну Новому // Творческое наследие Григория Цамблака. Женева: Буй Турь; Велико Тырново: ПИК; Изд-во Велико-тырновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия, 2005. С. 466–507, 565–570.
- 24 Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Л.: Наука, 1988, 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1–2. 517; 528 с.
- 25 *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 328 с.
- 26 *Титова Е. А.* «А нарицается сий стих Цамблак» // Древнерусское песнопение. Пути во времени / сост. и науч. ред. Н. Б. Захарьина. СПб.: Изд-во СПбГК, 2005. Вып. 2: по мат. науч. конф. «Бражниковские чтения–2004». С. 14–27.
- 27 *Тончева Е.* Болгария / Церковная музыка // ПЭ. Т. 5. С. 612–614.
- 28 *Турилов А. А.* Гимнография южных и западных славян. Южнославянская гимнография XIII–XVIII вв. / Гимнография // ПЭ. Т. 11. С. 502–505.
- 29 *Турилов А. А.* Григорий Цамблак // ПЭ. Т. 12. С. 583–592.
- 30 *Ундольский В. М.* Замечания для истории церковного пения в России // Чтения в ОИДР. 1846. № 3. 46 с.
- 31 *Финдейзен Н. Ф.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. М.; Л.: Музсектор Госиздата, 1928. Вып. 2. 376 с.
- 32 *Фролов С. В.* У истоков зрелого мелодического стиля // Музыкальная культура православного мира: традиция, теория, практика. Мат. междунар. науч. конф. 1991–94 гг. М.: Изд-во РАМ им. Гнесиных, 1994. С. 114–129.
- 33 *Кожухаров С.* Неизвестно произведение на старобългарската поезия // Старобългарска литература. София: Изд-во БАН, 1971. Кн. 1. С. 319–322.
- 34 *Петровић Д.* Хиландарски ктитори у православном појању. Београд, Музиколошки институт. САНУ, 1999. 248 с.
- 35 *Тончева Е.* Новооткрити славяноезични (преводни) творби на Йоан Кукузел: Полиелейни припеви от XV в. // Българско музикознание. 2000. № 2. С. 5–31.

- 36 Тончева Е. Полиелейните припели в ръкопис Атина № 928 (Исайева антология, XV в.) и отношението им към Търновска книжовна школа. Велико Търново, 1994. Кн. 5. С. 641–664.
- 37 Тончева Е. Полиелейното творчество на Йоан Кукузел в контекста на балканската църковнопесенна практика // 2 международ. конгрес по българистика: Доклади. София, 1986. Т. 17. С. 224–262.

© 2017. Galina A. Pozhidaeva
Moscow, Russia

THE SECOND “SOUTH SLAVIC INFLUENCE” IN THE CHORAL ART OF RUS’

Abstract: The article aims to examine the relationship of Russia and the Byzantine Empire, including Bulgaria and Serbia, in the field of Church music under second “South Slavic influence” (the end of XIV–XV centuries). The article shows that the Russian-Balkan relations in the late Middle Ages manifested itself primarily in the organization of office under new Jerusalem Typikon, largely upgraded body of hymnography. The hymnography of the South Slavs, who worked in Russia, Metropolitan Cyprian, Gregory of Zambuca and Pachomius, of Serb, brought to Russia echoes of the reform of Tarnovo Patriarch Euthymius, reflected in the style of “weaving of words”. Alongside the works of Russian authors the works of South Slavic poetic hymnography made for the basis of new songs, warmed up by Russian chanters. In mastering of music writing, the development of Russia was ahead of South Slavic countries. While oral tradition dominated in the vocal practice in Bulgaria and especially Serbia, there was a large body of noted manuscripts of vocal music in Russia. Thus we can talk about South Slavic and Balkan “influences” in vocal art only referring to the Church Typicon and liturgical poetry, but no song tradition and musical writing. Later, due to the tendency of unification of the Slavic peoples around new center of Orthodoxy “Moscow — the Third Rome”, in the late Byzantine period, increase in veneration of the South Slavic saints in the liturgical practice of the XVI century was observed.

Keywords: choral art Moscow Russia the “second South Slavic influence” Russian-Balkan relations, Moscow — the Third Rome.

Information about the author: Galina A. Pozhidaeva — DSc in Arts, Professor, Schepkin Higher Theatre School (Institute) at the State Academic Maly Theatre of Russia, Neglinnaya St., 6/2, build. 1, 2, 109012 Moscow, Russia. E-mail: pozhidaeva.galina@yandex.ru

Received: April 28, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Gardner I. *Bogosluzhebnoe penie russkoi pravoslavnoi tserkvi. Sushchnost', sistema i istoriia* [The liturgical singing of the Russian Orthodox Church. Essence of the system and history]. Moscow, Izdatel'stvo PSTBI Publ., 2004. Vol. 1. 498 p. (In Russian)
- 2 Guseinova Z. M. Dve redaktsii stikhiry Grigoriia Tsamblaka na Uspenie Bogoroditsy [Two versions of the stanzas of Gregory Tsamblak on the Assumption of The Virgin].

- Vestnik PSTGU. Serii 5: Muzykal'noe iskusstvo khristianskogo mira*, 2007, vol. 1(1), pp. 17–25. (In Russian)
- 3 Zhukovskaia L. P. Gretsizatsiia i arkhazatsiia russkogo pis'ma 2-i pol. XV – 1 pol. XVI v. [Grecism and archaicism Russian letters the 2nd half XV – 1 the half]. *Drevnerusskii literaturnyi iazyk v ego otnoshenii k staroslavianskomu* [The XVI century, the old Russian literary language in its relation to old Church Slavonic]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 45–62. (In Russian)
 - 4 Kaliganov I. I. *Georgii Novyi u vostochnykh slavian* [George New in perceptions of Eastern Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 800 p. (In Russian)
 - 5 Kaliganov I. I. Istoriko-literaturnye problemy iuzhnoslavianskogo vliianiia na Rusi [Literary-historical problems of the South Slavic influence on Russia]. *Vekov sviazuiushchaia nit'* [Binding thread of centuries. Moscow, Izdatel'stvo ISI RAN Publ., 2006, pp. 52–68. (In Russian)
 - 6 Kaliganov I. I. Kul'tura srednevekovoi Bolgarii [The culture of medieval Bulgaria]. *Istoriia kul'tur slavianskikh narodov* [History of cultures of the Slavic peoples], responsible editor. G. P. Mel'nikov. Moscow, GASK Publ., 2003, vol. 1, pp. 98–157. (In Russian)
 - 7 Kaliganov I. I. Iuzhnoslavianskie literatury [South Slavic literatures]. *Problemy istorii i kul'tury slavianskikh narodov* [Issues of history and culture of the Slavic peoples]. Moscow, Izdatel'stvo ISI RAN Publ., 2015, pp. 10–213. (In Russian)
 - 8 Kamchatnov A. M. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka. XI – pervaiia polovina XIX veka* [The history of the Russian literary language. XI – first half of XIX century]. Moscow, Academia Publ., 2005. 688 p. (In Russian)
 - 9 Karastoianov B. P. *Stikhira znamennogo rospeva "Denese Vladychitse presviataia devo tsaritse prekhodite"* ("Dnes' Vladychitsa Bogoroditsa presviataia deva tsaritsa prekhodit"). *Kratkaia versiia stikhiry* ("Dnes' Vladychitsa Bogoroditsa presviataia deva tsaritsa k synu svoemu". *Stikhira znamennogo rospeva "Dnes' vozraduemsia ezhe na nebesekh"*. "Osmoglasiem Uspenskomu Tsamblaku podoben". *Publikatsiia, notnolineinaia transkriptsii, kommentarii, issledovaniia* [The stanza version of znamenny chant "Now Our lady the most Holy virgin the Queen departs" ("Today the virgin Queen the virgin Queen, departs"). Short version of the verses ("Today the virgin Queen the virgin Queen to the son". The stanza version of chant "Today let us rejoice for she is in heaven". "His Ochoecos is equal to Tsamblak Uspensky's". Publication note-linear transcription, commentary, research]. Vena, 2009. 358 p. (In Russian)
 - 10 Kirillin V. M. Panegiricheskoe nasledie Pakhomiia Logofeta. 2010 g. [Panegyric legacy of Pachomius the Logothete. 2010]. *Bogoslov.ru* Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/1250151.html> (accessed 17 December 2016). (In Russian)
 - 11 Kliuchevskii V. O. *Russkaia istoriia. Polnyi kurs lektsii v trekh knigakh* [Russian history. Complete course in three books]. Moscow, Mysl' Publ., 1993. Book. 1. 575 p. (In Russian)
 - 12 Likhachev D. S. Nekotorye zadachi izucheniia vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia v Rossii [Some issues of the study of the second South Slavic influence in Russia]. *Issledovaniia po drevnerusskoi literature* [Studies in Russian literature]. Leningrad, Nauka, 1986, pp. 3–56. (In Russian)
 - 13 Likhachev D. S. *Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili* [The development of Russian literature of X–XVII centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 255 p. (In Russian)

- 14 Lukashevich A. A. Velichanie [Magnification]. *PE*, vol. 7, pp. 529–531. (In Russian)
- 15 Panchenko F. V. Stikhirar' kontsa XVI v. iz sobraniia S. G. Stroganova [This sticherarion of the end of the XVI century from the collection of S. G. Stroganov]. *Materialy i soobshcheniia po fondam Otdela rukopisei BAN* [Materials and report on funds of the manuscript Department of the BAN]. St. Petersburg, Izdatel'stvo BAN Publ., 2006, pp. 206–305. (In Russian)
- 16 Parfent'ev N. P. *Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo v dukhovnoi kul'ture Rossiiskogo gosudarstva: Shkoly. Tsentry. Mastera* [Old Russian art of singing in the spiritual culture of the Russian state: Schools. Centers. Masters]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo UrGU, 1991. 256 p. (In Russian)
- 17 Parfent'ev N. P. Tvorchestvo knigopistsev i khudozhnikov-znamenshchikov brat'ev Basovykh (1580–1630-e gg.) [The work of bibliographers and iconographers brothers Basov (1580–1630)]. *Vestnik IuUrGU. Serii: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2014, vol. 14, no 3, pp. 23–48. (In Russian)
- 18 Peno V. Nenotirovannye pevcheskie knigi — istochniki dlia izucheniia serbskogo tserkovnogo peniia [Non-notated chant books — sources for learning Serbian Church singing]. *Aktual'nye problemy izucheniia tserkovno-pevcheskogo iskusstva: nauka i praktika (k 120-letiiu konchiny D. V. Razumovskogo): mat. mezhdunar. nauch. konf. 12–16 maia 2009 goda. Sb. st.* [Relevant issues of the study of Church-singing art: science and practice (to the 120th anniversary of the death of D. V. Razumovsky): materials of the international scientific conference on 12–16 may 2009. A collection of articles], compiler and Executive editor. I. E. Lozovaia. Moscow, Izdatel'stvo Nauchno-izdatel'skogo tsentra “Moskovskaia konservatoriia” Publ., 2011, Gimnologia, vyp. 6, pp. 109–120. (In Russian)
- 19 Ramazanova N. V. *Moskovskoe tsarstvo v tserkovno-pevcheskom iskusstve XVI–XVII vekov* [Moscow Kingdom in the choral art of the XVI–XVII centuries]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004. 468 p. (In Russian)
- 20 *Rukopisnye sobraniia D. V. Razumovskogo i V. F. Odoevskogo. Arkhiv D. V. Razumovskogo* [Manuscripts collections of D. V. Razumovsky, and V. F. Odoevsky. Archive of D. V. Razumovsky], description edited by I. M. Kudriavtseva. Moscow, GBL Publ., 1960. 261 p. (In Russian)
- 21 Seregina N. S. *Pesnopeniia russkim sviatym: po materialam rukopisnoi pevcheskoi knigi XI–XIX vv. “Stikhirar' mesiachnyi”* [Chants of the Russian saints: according to the materials of handwritten songbooks of XI–XIX centuries “Month Sticherarion”]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RIII Publ., 1994. 470 p. (In Russian)
- 22 Seregina N. S. Stikhira Grigoriia Tsamblaka na Uspenie Bogoroditsy i problema issledovaniia melizmaticheskoi monodii [The verses of Gregory Camblak on the Assumption and the issue of the study of melismatic monody]. *Muzyka Rossii: Ot srednikh vekov do sovremennosti* [Music of Russia: From the middle ages to the present], compilation M. G. Aranovskii. Moscow, Kompozitor Publ., 2004, vol. 2, pp. 7–29. (In Russian)
- 23 Seregina N. S. Stikhira Grigoriia Tsamblaka na Uspenie Bogoroditsy. Stikhira Ioannu Novomu [The verses of Gregory Camblak on the Assumption. The Sticheron to John New]. *Tvorcheskoe nasledie Grigoriia Tsamblaka* [Creative heritage of Gregory Camblak]. Zheneva, Bui Tur" Publ.; Veliko Tyrnovo, PIK; Izd-vo Veliko-tyrnovskogo universiteta im. Sv. Kirilla i Mefodiia Publ., 2005, pp. 466–507, 565–570. (In Russian)

- 24 *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. Vtoraia polovina XIV–XVI v* [The dictionary of bookmen and booklore of Ancient Rus. The second half of the XIV–XVI centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 1989. Vol. 2 (second half of XIV–XVI century). Parts 1–2. 517; 528 p. (In Russian)
- 25 Sobolevskii A. I. *Leksii po istorii russkogo iazyka* [Lectures on the history of the Russian language]. Moscow, Izdatel'stvo LKI Publ., 2007. 328 p. (In Russian)
- 26 Titova E. A. “A naritsaetsia sii stikh Tsamblak” [“And the name to the verse is Tsamblak”]. *Drevnerusskoe pesnopenie. Puti vo vremeni* [Russian chant. Journey in time], compiler and scientific editor N. B. Zakhar'ina. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGK Publ., 2005. Vol. 2: according to the materials of the scientific conference “Brazhnikovskie chteniia–2004”, pp. 14–27. (In Russian)
- 27 Toncheva E. Bolgariia [Bulgaria]. Tserkovnaia muzyka [Church music]. *PE*, vol. 5, pp. 612–614. (In Russian)
- 28 Turilov A. A. Gimnografiia iuzhnykh i zapadnykh slavian. Iuzhnoslavianskaia gimnografiia XIII–XVIII vv. [The hymnography of Southern and Western Slavs. South Slavic hymnography of the XIII–XVIII centuries], Gimnografiia [Hymnography]. *PE*, vol. 11, pp. 502–505.
- 29 Turilov A. A. Grigorii Tsamblak [Gregory Tsamblak]. *PE*, vol. 12, pp. 583–592. (In Russian)
- 30 Undol'skii V. M. Zamechaniia dlia istorii tserkovnogo peniia v Rossii [Comments on history of the Church singing in Russia]. *Chteniia v OADR*, 1846, no 3. 46 p. (In Russian)
- 31 Findeizen N. F. *Ocherki po istorii muzyki v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.* [Essays on the history of music in Russia from ancient times to the late eighteenth century]. Moscow, Leningrad, Muzsektor Gosizdata Publ., 1928. Vol. 2. 376 p. (In Russian)
- 32 Frolov S. V. U istokov zrelogo melodicheskogo stilia [At the origins of the Mature style of melodic]. *Muzykal'naia kul'tura pravoslavnogo mira: traditsiia, teoriia, praktika. Mat. mezhdunar. nauch. konf. 1991–94 gg.* [Musical culture of the Orthodox world: tradition, theory, practice. Materials of international scientific conferences 1991–94]. Moscow, Izdatel'stvo RAM im. Gnesinykh Publ., 1994, pp. 114–129. (In Russian)
- 33 Kozhukharov S. Neizvestno proizvedenie na starob"lgarskata poeziia [Unknown work on the old Bulgarian poetry]. *Starob"lgarska literatura* [Starobulgarska literature]. Sofiia, Izdatel'stvo BAN Publ., 1971, book 1, pp. 319–322. (In Bulgarian)
- 34 Petrovih D. *Khilandarski ktitori u pravoslavnom rojaniu*. Beograd, Muzikoloshki institut SANU Publ., 1999. 248 p. (In Serbian)
- 35 Toncheva E. Novootkriti slavianoezichni (prevodni) tvorbi na Ioan Kukuzel: Polieleini pripevi ot XV v.] *B"lgarsko muzikoznanie*, 2000, no 2, pp. 5–31. (In Bulgarian)
- 36 Toncheva E. *Polieleinite pripeli v r"kopis Atina № 928 (Isaieva antologiiia, XV v.) i otosheniето im k"m T"rnovska knizhovna shkola* [(Isayeva anthology, XV century) and their relationship to Trnovska literary school]. Veliko T"rnovo, 1994, book 5, pp. 641–664. (In Bulgarian)
- 37 Toncheva E. Polieleinoto tvorchestvo na Ioan Kukuzel v konteksta na balkanskata ts"rkovnopesenna praktika [Palielinot creativity of John Kukuzel in the context of the Balkan practice]. *2 mezhdunarod. kongres po b"lgaristika: Dokladi* [2 international Congress on bulgaristics: Reports]. Sofiia, 1986, vol. 17, pp. 224–262. (In Bulgarian)